

ПОЛЁТ

/ Алексей ЛАРИОНОВ /

Мечта о звёздах: метафизика и уроки космической гонки СССР и США

130

Изборский клуб

Дialeктическое понимание истории позволяет увязывать воедино феноменологию исторического факта с метафизикой смысла исторических событий. Каждое значимое событие является символом, открывающим двери в вечность. Для этого нет нужды увлекаться мистификациями в духе конспирологии или хронометрическими манипуляциями в стиле Фоменко и Носовского. Но достаточно просто осмыслить общеизвестные факты сквозь призму цивилизационного контекста и соотнести с теми высшими духовно-культурными ценностями, которые задают ориентиры исторического бытия странам и народам. Православная патристика учит нас, что Господь в своей неизречённой мудрости способен всякое зло обратить во благо непостижимым для суетного и огреховленного человеческого ума способом. Вторая мировая война была безусловным злом, принесшим неисчислимы страдания сотням миллионам людей. Но парадоксальным образом она же породила примеры подлинного величия человеческого духа, помогла Русской цивилизации осознать саму себя и своё место в мире. Наконец, именно совершённый в годы войны прорыв в развитии науки и техники сделал возможным сам факт прорыва человечества в космос менее чем через полтора десятилетия после того, как смолкло эхо взрывов войны. Страдания и разрушения Второй мировой войны, таким образом, стали основой последующего космического чуда. И вдвойне символично, что именно Россия, претерпевшая в той войне наибольшие страдания и принесявшая наибольшие жертвы ради победы над inferнальным монстром нацизма, оказалась во главе прорыва человечества за пределы своей земной колыбели. В осуществлении этого прорыва сплелись воедино философское дерзновение и научный гений Русской традиции, организационные и промышленные технологии Модерна (советская модель социальной и экономической мобилизации), даже наработки главного антагониста (инженерно-технический опыт ракетостроения Третьего рейха).

Итогом этого невероятного сплава стало событие всемирной исторической значимости: 4 октября 1957 года с космодрома Байконур в Казахстане состоялся первый в мире запуск искусственного спутника Земли. Дорогу в космос для человечества открыл Советский Союз. Одновременно это событие оказалось звонкой оплеухой — даже не национальному самолюбию США, а их глобальным мессианским притязаниям на то, чтобы служить указующим светочем для человечества. Казалось бы, все предпосылки для первенства в космической эпопее были именно у «Нового Карфагена» за океаном. Эта страна не понесла никаких ощутимых потерь в двух мировых войнах, но только разбогатела на них, обладала мощнейшим промышленным, техническим и научным потенциалом, стягивала в свои лаборатории учёную элиту всего мира, укрепляла собственную веру в миссию «сияющего града на холме»... Всё это делало космическое первенство США преддрённым, исторически и даже метафизически обусловленным. Однако... ход реальных событий ниспроверг эту историческую самонадеянность. Миссия вести человечество к звёздам (теперь не только в переносном, но и в буквальном смысле слова) оказалась присвоена и подтверждена на деле Советским Союзом, чья цивилизационная модель была глубоко чужда американской и воспринималась как враждебно-угрожающая. Соборность, долженствование и аскетизм одержали неоспоримую победу над индивидуализмом, атомарной свободой и гедонизмом. Неслучайно наиболее прозорливые представители американской политической и интеллектуальной элиты увидели в этом угрозу даже не утраты первенства своей страны, но нечто большее — угрозу её выпадения из Большой Истории, превращения в историческую периферию, чего не могли компенсировать никакие показатели национального дохода на душу населения, равно как и обличения «диктатуры коммунизма».

Закономерно начавшаяся космическая гонка СССР и США была,

таким образом, не столько борьбой за престиж в обозримой исторической перспективе, сколько борьбой за статус творца мировой истории, центра её кристаллизации и определения пути. Каждый шаг в этой эпопее обладал собственным символическим значением, а из совокупности фактов складывался исторически запечатлённый образ движения человечества в космос.

На протяжении достаточно длительного времени первенство СССР было неоспоримым. Если спустя месяц после запуска первого спутника с Байконура успешно стартовал «Спутник-2» с собакой Лайкой на борту, то попытка американцев вывести на орбиту собственный искусственный спутник 6 декабря 1957 года завершилась грандиозным фиаско в прямом эфире: миллионы американцев у телевизоров стали свидетелями того, как ракета-носитель взорвалась практически на стартовом столе. Делу не помог даже тот факт, что «сливки» с нацистского ракетостроения сняли именно американцы — ведущий немецкий специалист Вернер фон Браун выступал ведущим консультантом в ракетно-космическом проекте США. Что, кстати сказать, блестяще доказывает несостоятельность любых обвинений СССР в эгигонстве — мало заимствовать чужие наработки и технологии, необходимо обладать собственными оригинальными научной и конструкторскими школами, опытом нестандартных инженерных решений и тем качеством, которое невозможно купить или присвоить, — общенародным дерзновением духа и разума, которые только и делают немыслимое возможным. Как показывает история космической гонки, наша Родина в середине XX века обладала им в полной мере. И не только обладала, но и могла должным образом эту духовную энергию направлять!

Разница духовного и научно-технического потенциала в пользу СССР оказалась в очередной раз подтверждена 12 апреля 1961 года, когда Юрий Гагарин стал первым космонавтом не только для СССР, но и для всего мира. Символика события была неоспорима:

дорогу человечеству в космос проложил русский человек, сформированный в рамках той социальной модели, которая отрицала культ богатства, эгоизма и чувственных наслаждений, проповедуя коллективизм, долженствование и разумную достаточность в удовлетворении потребностей. На этом фоне суборбитальный полёт американца Алана Шепарда 5 мая 1961 года продолжительностью всего 15 минут (по сравнению со 108 минутами полной орбитальной циркуляции Гагарина) смотрелся откровенно бледно, несмотря на все усилия американской пропаганды. Если Шепард так и остался в истории как некое внутреннее утешение американского самолюбия в стиле «и мы можем», то Гагарин был и остаётся персонифицированным символом шага в космос человеческой цивилизации. Повторимся — символом, связанным с Россией и её мессианским проектом будущего человечества. На том этапе историсофского противостояния русское мессианство явно одерживало верх над американским. Романы Александра Казанцева и Георгия Мартынова в этом контексте выглядели не просто авторской фантазией, имели под собой вполне реальную основу — читателям (даже последующих поколений) они казались именно взглядом в будущее. И если в синхронной американской фантастике (например, в произведениях Роберта Хайнлайна) можно увидеть борьбу героев за личностное самоутверждение попутно с уничтожением орд захватчиков из космоса (пусть и талантливо написанных), то в советской фантастике на звёздную тему доминировали иные мотивы — альтруизма и солидарности, носители которых (советские люди) были озабочены не «нервным чувством собственного достоинства» (К. Н. Леонтьев), но несением света разума и добра в отдалённые уголки галактики.

Однако реальные события советско-американского соперничества в космосе отличались от той картины будущего, которая изображалась фантастами двух стран. Безусловным прорывом стали экспедиции американских астронавтов на Луну. Не будем вдаваться здесь в спекуляции на тему «лунной аферы

США»: до тех пор, пока документально не доказано обратное, Нейл Армстронг является первым человеком, ступившим на поверхность другого планетарного тела в Солнечной системе. Успех США, как и их первенство в осуществлении пилотируемых межпланетных перелётов в конце 1960-х — начале 1970-х годов, был неоспорим. В этом можно увидеть и символическое значение — человечество способно в обозримой перспективе достигать других планет. Луна — лишь первый шаг к их освоению. Советские луноходы подтвердили техническую возможность для СССР достичь Луны в автоматическом режиме, но не более того. Роли как будто поменялись: в то время, как советский успех носил локальный характер, американские экспедиции приобретали значимость общечеловеческих достижений под эгидой Соединённых Штатов. Отставание СССР на лунном этапе космической гонки было отчасти вызвано, словно в насмешку над прежним успешным опытом, обострением конкуренции между различными ОКБ и учёными, работавшими в рамках советской программы освоения космоса. История не простила нарушения принципов солидарности и бескорыстия в пользу ведомственной и личной гордыни и корысти. Конкуренция отраслей и ведомств губительно серьёзно затормозила успехи СССР в космосе. К сожалению, на высшем уровне не нашлось той твёрдой руки, которая могла бы пресечь такие губительные тенденции.

Убедив самих себя и весь мир в своих способностях и возможностях лидировать в освоении космоса, две сверхдержавы неожиданно перешли к сотрудничеству, зримым выражением которого стала советско-американская программа «Союз-Аполлон» в 1972–1975 гг. Символическая значимость «рукопожатия в космосе» была бесспорной — казалось, былая конкуренция вполне может смениться сотрудничеством и откроет новые горизонты для всей человеческой цивилизации. Однако сколько-нибудь значимого продолжения не последовало. Запуск спутников и их ис-

пользование в гражданских и военных целях постепенно стало обыденным делом, как и всё удлиняющиеся сроки пребывания космонавтов на орбите. Впрочем, в этом плане бесспорное лидерство вновь принадлежало СССР. Равно как и первенство в создании ракет-носителей, двигателей, орбитальных станций. Но создание и успешное выведение на околоземную орбиту станции «Мир-1» стало переходом на новую ступень в исследованиях и освоении ближнего космоса. Кроме СССР, никто не сумел сделать ничего подобного. Кроме общеизвестных рекордных сроков функционирования станции — 15 лет вместо первоначально намеченных 5 (1986–2001 гг.), — заслуживает внимания высочайший уровень координации работы различных организаций: в создании «Мира» принимали участие порядка 280 организаций под руководством 20 министерств. Показательно и то, что советские орбитальные станции были изначально более открыты для международного сотрудничества, нежели американские космические программы. Тем самым как бы подтверждались советские гуманистические установки на освоение космоса как дела всего человечества. Национально-государственный эгоизм — а значит, и подпитывающая его национальная гордыня — изначально не был присущ советской космической программе. Чего нельзя сказать о США. Символическим концом советского этапа освоения космоса можно считать волонтаристски принятое и осуществлённое решение о затоплении станции «Мир» уже после прихода к власти в России В. В. Путина. При этом финансовые соображения явно доминировали над научно-техническими.

Осмысляя сегодня этапы и значение советско-американской космической гонки, мы отмечаем в ней достижения и неудачи, борьбу за лидерство, попытки сотрудничества и новый виток конкуренции. Однако до сих пор человечество не вышло за пределы околоземной орбиты. Казалось бы, теперь, когда экономический и научно-технический потенциал США несоизмерим с Российской Федера-

цией, ничто не мешает американцам подтвердить и монополично закрепить своё первенство в космических исследованиях с отчётливым мессианским оттенком. Но этого не происходит! Российское же руководство «Роскосмоса» предпочитает упражняться в сомнительных остротах в адрес США, периодических коррупционных скандалах и «освоении бюджета» в виде громады Национального космического центра в Москве, предав забвению афоризм академика Михаила Алексеевича Лаврентьева: «Сначала люди и идеи, потом — деньги и здания». Таким образом, гибель СССР, а с ней и сжатие советской космической программы в постсоветской России обернулись космической катастрофой общечеловеческого масштаба. Советская космическая программа была свёрнута на пороге новых достижений. Плуто говорить о бесперспективности и дороговизне проекта «Буран», поскольку он попросту не успел раскрыть своего потенциала. Равно как неправомерно говорить, будто СССР потерпел неудачу в космическом соревновании с США, — если и было определённое отставание в области вычислительной техники, то не фатальное, но были и прорывы в материаловедении, двигателестроении, создании ракет-носителей тяжёлого и сверхтяжёлого классов. Всё это ныне переживает глубокий застой, равно как и попытки создания новых поколений двигателей для космических кораблей с малой массой и высоким КПД. Похоже, что современная потребительская цивилизация, адепты которой управляют и Россией, просто органически неспособна генерировать альтруистические импульсы космического масштаба, превращая их затем в реальные проекты и достижения. Не нужны ни люди типа Королёва, Глушко, Гагарина, ни мечты о межзвёздных перелётах. Космос же как вековая мечта человечества, что в России, что в США, вырождается либо в поиски коммерческой выгоды и военно-прикладную тему, либо в голливудские и отечественные киноподелки, не имеющие под собой ни серьёзной научной, ни качественной литературной основы.

Итак, на примере советско-американского соперничества в космосе можно говорить о завершении определённого цикла в движении человечества к звёздам: мечты и полуфантастические проекты породили конкретные программы выхода в космос, затем последовала борьба за первенство и громкие успехи, первенство в которых долго принадлежало СССР. Далее попытки полётов на Луну, на Марс и Венеру (автоматизированные), запуск межпланетных зондов, создание и успешная эксплуатация орбитальных станций. Везде и во всём Советский Союз занимал равное, а часто и первое место. Невзирая на то, что США были явно богаче и на некоторые аналогичные программы тратили в разы больше ресурсов. Всё это стало возможным благодаря факторам цивилизационного масштаба: солидарно-альтруистическая общественная модель СССР, культивирование полёта мечты и творчества посредством системы образования, художественной литературы, кружков научно-технического творчества, кинематографа, наконец, мироустроительная миссия страны, аскетизм руководства и свобода учёных от мелочного бюрократического контроля. Всё это вместе и породило тот кумулятивный эффект, который до сих пор остаётся непревзойдённым.

А потом наступила стагнация. Социальный альтруизм, бескорыстное творчество и солидарность были заменены гедонизмом и консьюмеризмом.

Ничего принципиально нового со времён распада СССР в деле освоения космоса создано не было. И, вероятно, не будет. Мало того, распространение лжи о том, что СССР «не производил ничего, кроме галош», явно не способствует космическим успехам. Нам ныне остаётся извлекать уроки из прошлого и настоящего. С точки зрения исторического опыта Русской цивилизации, стратегических интересов современной России как субъекта истории и планетарных интересов всего человечества (прежде всего, в освоении и использовании ресурсов космоса) именно капитализм должен быть признан для нашей Родины зигзагом истории. И пока он торжествует у кормила власти, никакие новые успехи и прорывы России и человечества в движении к звёздам будут невозможны. Неизбежна дальнейшая деградация космического наследия, остающегося со времён СССР. США за счёт своего богатства и относительной стабильности смогут на какое-то время установить своё лидерство в космосе, хотя и будут несколько потеснены Китаем. Но никто из них не сумеет повести человечество в глубокий космос — просто в силу национального эгоизма и утилитарных устремлений. И только возвращение России к солидарно-альтруистической модели развития общества и государства станет той ракетой-носителем, которая вновь откроет человечеству путь в космос, сделает реальной и достижимой мечту о звёздах.

